

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯЙЦЕГЛАВЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л33

Серия «Фантастика: классика и современность»

Fritz Leiber

THE GREEN MILLENIUM
THE SILVER EGGHEADS
SHORT STORIES

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Лейбер, Фриц.
Л33 Серебряные яйцеглавы : [сборник : перевод с англий-
ского] / Фриц Лейбер. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 480 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-103451-1

Фриц Лейбер (1911–1989) — американский писатель, один из выдающихся представителей англоязычного «Золотого века» НФ, едва ли не единственный автор НФ и одновременно фэнтези из своего поколения. С первого же опубликованного рассказа Лейбер представил публике своих популярнейших героев — искателей приключений Фафхрда и Серого Мышелова, которым он посвятил шесть полных сборников и роман. Лейбер также заслужил репутацию мастера современной урбанистической литературы ужасов (рассказы «Дымный призрак», «Человек, который дружил с электричеством», «Девушка с голлыми глазами» и другие). И конечно, не обошел вниманием Лейбер и научную фантастику. «Серебряные яйцеглавы», «Зеленое тысячелетие», «Пришелец» и сегодня читаются с огромным интересом благодаря сочетанию оригинальных идей и метких сатирических наблюдений.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Fritz Leiber, 1941, 1949, 1953, 1961, 1967

© Перевод. И.Г. Почиталин, 2017

© Перевод. К.С. Егорова, 2017

© Перевод. К.М. Королев, 2017

© Перевод. В.И. Баканов, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2017

ISBN 978-5-17-103451-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯЙЦЕГЛАВЫ

Гаспар де ла Ньюи, писатель-поденщик, с рассеянной нежностью провел замшей по бронзовой станине своей гигантской словомельницы. Взгляд его привычно скользнул по огромной, высотой с двухэтажный дом, панели электронной машины, по рядам сигнальных лампочек (все выключены) и приборных шкал (все стрелки на нуле). Затем он зевнул и потер шею.

Он скоротал ночное дежурство, подремывая, попивая кофе, дочитывая «Греховодников с астероида» и «Каждый сам себе философ». Более спокойной творческой смены нельзя было и пожелать.

Он бросил замшу в ящик своего выдавшего вида стола и, критически поглядывая на себя в зеркальце, пригладил темные волнистые волосы, расположил пышными складками огромный черный шелковый галстук и тщательно застегнул обшитые тесьмой карманы черной бархатной куртки.

Затем он энергичной походкой направился к табельным часам и отметил время своего ухода с работы. Его сменщик опаздывал уже на целых двадцать секунд, но ему-то что за дело? Пусть голова болит у дисциплинарной комиссии.

В дверях огромного зала, где размещались словомельницы издательств «Рокет-Хаус» и «Протон-Пресс», Гаспар остановился, пропуская первую утреннюю группу восторженных экскурсантов. Их сопровождал Джо Вах-

тер, сутулый старикашка с вечно слезящимися от пьянства глазами, который почти не уступал писателям в искусстве спать при исполнении служебных обязанностей. Гаспар был доволен, что сегодня ему не придется выслушивать идиотские вопросы («Скажите, мистер писатель, откуда вы берете идеи для своих словомельниц?») и ловить на себе взгляды, исполненные нездорового любопытства (широкая публика свято верила, будто писатели порочны до мозга костей, что было несомненным преувеличением). Особенно приятно было ускользнуть от назойливой дотошности весьма неприятной пары, облаченной в ансамбль «отец с сыном на прогулке», — папаша явно принадлежал к суетливым всезнайкам, а на лице сынка застыло выражение плаксивой скуки. Только бы Джо хоть немного протрезвел, подумал Гаспар, и не дал мальчишке ковыряться в машине!

Однако появление экскурсантов обязывало, и Гаспар извлек из кармана огромную пенковую трубку янтарного цвета, откинул крышечку из серебряной филиграни и набил трубку табаком, который достал из расшитого золотом кисета тюленьей кожи. Прodelывая все это, Гаспар чуть-чуть насупился. Только эта чудовищная трубка да еще предписанный контрактом дурацкий костюм и омрачали для него прелести писательского ремесла. Увы, издатели требовали неукоснительного соблюдения всех пунктов контракта до единого с такой же настойчивостью, с какой они заставляли писателей отсиживать полную смену независимо от того, были включены их словомельницы или нет.

А впрочем, подумал Гаспар, улыбнувшись, не за горами время, когда он станет писателем-разрядником с правом носить джинсы и свитеры, коротко стричься и курить сигареты у всех на виду. Да и сейчас он, как писатель-поденщик, находился в гораздо лучшем положении, чем лите-

раторы-подмастерья, которые вынуждены расхаживать в греческих туниках, римских тогах, монашеских рясах или в расшитых золотом кафтанах. А одного беднягу втравили в контракт, обязавший его наряжаться древним вавилонянином и повсюду таскать за собой три каменные плиты, деревянный молоток и зубило. Конечно, публика ждет от писателя создания достоверной атмосферы, но всему есть предел.

В общем, однако, писатели вели столь приятное и даже роскошное существование, что Гаспар не понимал, почему в последнее время такое множество разрядников и поденщиков взяло за обыкновение жаловаться на судьбу, поносить издателей и тешить себя иллюзией, будто каждый из них мог бы создать произведение неизмеримой глубины и силы, только бы ему дали такую возможность. Многие из них открыто ненавидели свои словомельницы, что, по мнению Гаспара, было пределом святотатства. Даже Элоиза Ибсен, подруга Гаспара, завела привычку уходить по ночам на какие-то тайные митинги протеста (о которых Гаспар даже слышать не хотел), вместо того чтобы мирно спать, ожидая его возвращения с ночной смены.

При мысли об Элоизе Гаспар вновь слегка насупился. Предписанные контрактом два часа в объятиях даже с писательницей высшего разряда казались ему чересчур долгими, чтобы не сказать утомительными. Вполне хватило бы и одного часа.

— Это писатель, сынок!

Ну конечно, это «отец с сыном на прогулке» — папаша излишне громким шепотом отвечает на вопрос своего отпрыска. Гаспар сделал вид, будто не заметил, с каким праведным негодованием было произнесено название его профессии, и прошел мимо экскурсантов с порочной ухмылкой на лице. Что поделаешь! Контракт есть контракт, к тому же предстоящие два часа блаженства были все-таки

компромиссом между одним часом, который предлагал он, и тремя часами, которых требовала Элоиза.

На Читательской улице (Нью-Анджелес, Калифорния), где располагались все англоязычные издательства Солнечной системы, Гаспар, к своему удивлению, совсем не увидел людей (неужто вся дневная смена проспала?). Зато повсюду толпились зловещего вида роботы — нескладные металлические существа семи футов в высоту с единственным, как у циклопа, видеоглазом во лбу и маленькими репродукторами вместо рта — для переговоров с людьми (между собой роботы предпочитали общаться без посредства звуков — напрямую принимая короткие радиоволны или просто соприкасаясь металлическими корпусами).

Тут Гаспар воспрянул духом, заметив знакомого робота. Синевато-стальной, массивный, но стройный, он выделялся на фоне своих неполированных собратьев, как скаковой конь среди першеронов.

— Привет, Зейн! — радостно воскликнул писатель. — Что происходит?

— Привет, Гаспар, — ответил робот, подходя к нему, и, снизив громкость, продолжал: — Не знаю. Эти чудища не хотят со мной разговаривать. Явные подонки, которых наняли издатели. Наверное, снова забастовали транспортники, и они опасаются, как бы не вышла заминка с вывозом готовой продукции.

— Ну так нас это не касается! — беззаботно заявил Гаспар. — Все трудишься с утра до вечера, старый металлолом?

— На полную катушку, старая отбивная, — в тон ему ответил робот. — А зарабатываю жалкую пару амперчасов, едва хватает подзарядиться.

Гаспар дружески улыбнулся, слушая добродушное гудение робота. Ему нравилось иметь дело с роботами, осо-

бенно с Зейном, давним его приятелем, хотя большинство людей косо смотрело на такое панибратство с врагами рода человеческого (как они в частных разговорах называли роботов), а Элоиза как-то во время ссоры даже назвала Гаспара «грязным роболобом».

Возможно, эта симпатия к роботам была следствием его любви к словомельницам, однако Гаспар никогда не пытался анализировать свои чувства. Его просто влекло к роботам, и ему был противен антироботизм во всех его проявлениях. Какого черта, думал он про себя, роботы же — отличные ребята!

А Зейн Горт выделялся даже среди своих металлических собратьев. Зейн был вольным роботом и зарабатывал на зарядку сочинением приключенческих повестей для Других роботов; он прекрасно знал жизнь, обладал большим запасом доброты и любые невзгоды встречал с «двойной закалкой» (что у роботов было синонимом мужественности). И вообще был подлинным интеллигентом — одним на миллион.

— До меня дошли слухи, Гаспар, — продолжал Зейн Горт, — будто вы, писатели-люди, замышляете забастовку или что-то еще более отчаянное.

— Не верь! — заявил Гаспар. — Элоиза бы мне об этом сказала.

— Рад слышать, — вежливо согласился Зейн с легким рокотом, в котором звучало сомнение. Внезапно между его лбом и поднятой правой клешней проскочил сильный электрический разряд. Гаспар невольно попятился.

— Извини, Гаспар, — сказал робот, — мне надо бежать. Вот уже битых четыре часа я ломаю голову над своей новой повестью. Доктор Вольфрам попал у меня в такую передрагу, что мне никак не удавалось его выручить. И вот только что меня осенило. Пока!

И он исчез из виду, словно голубая молния.

Гаспар неторопливо пошел дальше, стараясь представить себе, что значит четыре часа ломать голову над повестью. Разумеется, и у словомельницы бывают перебои — например, короткое замыкание, — но это, видимо, не совсем то же самое. Может, это ощущение напоминает то, которое возникает, когда удастся решить шахматную задачу? Или это больше похоже на те душевные конфликты, которые мучили людей (и даже писателей!) в недобрые старые времена, когда еще не было ни гипнотерапии, ни гипертранквилизаторов, ни неутомимых роботов-психиатров?

Но в таком случае на что похожи эти душевные конфликты? Право, иногда Гаспару казалось, что его жизнь уж слишком спокойна, слишком животво-безмятежна даже для писателя-профессионала.

2

Гаспар приблизился к большому книжному киоску, которым оканчивалась Читательская улица, и его туманные размышления разом оборвались. Витрины киоска сверкали и переливались, словно рождественская елка, и Гаспар вдруг почувствовал себя шестилетним ребенком, которого неожиданно навестил Дед Мороз.

За истекшие двести лет вид книжных страниц почти не изменился — все тот же черный шрифт на светлом фоне, — зато обложки преобразились поистине волшебю. Все то, что в середине XX века едва лишь намечалось, теперь пошло в рост и достигло пышного цветения. Стереопечать и четырехступенчатая репродукция позволили соблазнительным миниатюрным девицам на обложке проделывать нескончаемый стриптиз или появляться на фоне освещенных окон в прозрачных пеньюарах. Плотноядно ухмылялись монстры и гангстеры, мудро и проникновенно гля-

дели философы и министры. Падали трупы, рушились мосты, ураганы выворачивали деревья, космические корабли стремительно уносились в звездную бесконечность поперек обложки в пять на пять дюймов.

Воздействию подвергались все органы чувств. Уши пленяла тихая музыка, чарующая, как пение сирен, пронизанная отзвуками томных поцелуев, щелканьем плеток, приглушенным треском автоматных очередей и дальним грохотом ядерных взрывов. Ноздри Гаспара улавливали запахи жареных индеек, лесных костров, сосновых игл, апельсиновых рощ, порохового дыма, марихуаны, мускуса и всемирно известных духов вроде «Фер-де-Ланс» и «Туманность № 5». И он знал, что стоит ему коснуться любой обложки, и он ощутит под пальцами фактуру бархата, или норки, или лепестков розы, или сафьяна, или полированного клена, или старинной бронзы, или венецианской морской пробки, или теплой женской кожи.

Приближаясь к гроздьям книг, которые и правда были подвешены, точно игрушки на пушистой елке (исключение составляли строгие полочки с роликами робокнигофильмов), Гаспар все более замедлял и без того неторопливые шаги, желая продлить предвкушаемое удовольствие.

В отличие от большинства своих коллег, Гаспар де ла Ньюи любил читать книги, и особенно гипнотические творения словомельниц, иногда именовавшиеся словопомолом, — с теплыми розовыми облаками прилагательных, с глаголами действия, могучими, как ураган, с объемными четырехмерными существительными и соединительными союзами, прочными, как электросварка.

И в этот момент он предвкушал целых два удовольствия: выбор новой повести на сегодняшний вечер и возможность в очередной раз увидеть на прилавке свою первую книгу — «Пароль страсти», замечательную главным образом обложкой, на которой девица снимала с себя одну

за другой семь разноцветных юбочек, — по порядку цветов спектра. На заднике обложки был напечатан его собственный стереопортрет, в смокинге, который строго гармонировал с фоном викторианской гостиной, — Гаспар склонился над хрупкой очаровательной девушкой, чья прическа была нашпигована шляпными заколками длиной в добрый фут, а лиф был весьма завлекательно расстегнут почти на три четверти. Ниже шла подпись: «Гаспар де ла Ньюи собирает материал для своего шедевра». А еще ниже, мелким шрифтом: «Гаспар де ла Ньюи мыл посуду в парижских ресторанах, работал стюардом на космическом лайнере, был ассистентом в подпольном абортарии (по заданию уголовной полиции), шофером такси на Монмартре, камердинером виконта, чьи предки участвовали в крестовых походах, лесорубом в сосновых лесах Французской Канады, изучал межпланетные законы о разводах в Сорбонне, проповедовал гугенотство среди черных марсиан и служил тапером в публичном доме. Принимая мескалин, он мысленно перевоплощался в пятерых знаменитых французских сводников и воссоздал для себя все перипетии их бесславной карьеры. Он провел три года в психиатрической лечебнице, где дважды пытался избить медсестру до смерти. Великолепный аквалангист, он продолжил на Венере бессмертные традиции своего соотечественника капитана Кусто и стал свидетелем подводных оргий венецианских русалок. Гаспар де ла Ньюи создал свой «Пароль страсти» за два с третью дня на новейшей словомельнице «Реактивный Словотвор», снабженной инжектором плавных наречий и пятисекундных душераздирающих пауз. Он отдал роман на машине «Суперлакировщик» фирмы Симон. За «выдающийся вклад в технологию упаковки слов» де ла Ньюи удостоен премии Совета Издателей — трехдневной экскурсии по притонам Старого Манхэттена. В настоящее время Гаспар де ла Ньюи собирает материал для своего

нового романа, который, как он сообщил нам, будет называться «Греша, греша».

Весь этот текст Гаспар знал наизусть. Знал он также, что в нем не было ни слова правды, если не считать упоминания, что он смолол роман за семь смен. Гаспар ни разу не покидал Земли, не посещал Парижа, не занимался никаким видом спорта утомительнее пинг-понга, не занимал должности экзотичнее, чем должность клерка, и не страдал даже обыкновенным репортерским неврозом. А «собрание материалов для шедевра» запомнилось ему в основном ослепительными лучами стереопроекторов и жалобами его партнерши по съемкам на то, что от него разит дешевым табаком. На него она даже не смотрела и кокетничала с фотографом. Впрочем, подумал Гаспар, с него вполне достаточно и Элоизы.

Но хоть аннотация была набором лжи, а ее текст Гаспар знал наизусть, ему все-таки было приятно остановиться у прилавка и перечитать ее еще раз, вновь смакуя все подробности такой отвратительно-лестной биографии.

Гаспар протянул было руку к переливающейся красками книге (девица на обложке как раз принималась за свою последнюю, фиолетовую, юбку), как вдруг откуда-то сбоку взметнулась багровая, ревущая, смрадная струя пламени и в мгновение ока испепелила миниатюрный мирок раздевающейся куколки. Гаспар отпрянул, весь еще во власти чудесного видения, хотя оно уже обратилось в кошмар. За три секунды восхитительная книжная елочка превратилась в обугленный скелет. Струя огня погасла — и раздался злорадный хохот. Гаспар узнал это меццо-сопрано.

— Элоиза! — воскликнул он, не веря своим ушам. Но перед ним действительно стояла его подруга. Крупные черты ее лица были искажены дьявольским ликованием, черные волосы разметались, как у вакханки, мощная грудь